

пользователю в любое время. Техническая база при этом является важнейшим элементом.

При развитии соответствующей информационной инфраструктуры риск попасть под влияние и зависимость технических средств невысок, а при объективирующем воздействии социальных гарантий со стороны правовых институтов государства – снижается до минимума.

Может показаться, что в данной работе автор, исследуя проблемные области «философии техники», упускает из виду человеческий фактор, борьбу за власть, удовлетворение потребностей, конкуренцию в информационной среде, проблемы отчуждения личности и многое другое. Однако это не входит в поставленную перед нами задачу, поэтому ограничение самим процессом информатизации выглядит естественно на фоне современных теорий последних лет, которые и исследует автор, без учета человеческого измерения. Тем более, что информатизация – процесс неоднозначный и вызывающий множество споров, касающихся его сути, динамики и тенденций развития, периодичности протекания процесса в культурах мира; позитивности и негативности последствий процесса; возможности построения прогнозов на будущее; оценок ситуаций информационного обмена и многого другого [13, с. 11]. Феномен информатизации включает огромное количество аспектов, учитывающих развитие не только техники, но и культурно-социальных, духовных отношений

и взаимодействий во всех сферах жизни общества. Техника представляет собой экономическую базу, защита информации – политико-правовую, сохранение и переработка информации – культурную. Все перечисленные категории вместе и есть суть информационного общества, на пути к которому сегодня находятся многие страны и народы мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Проблемы** информатиологии мировой общест-венности. – М., 1997. – 203 с.
2. **ISEPS NEWS**. – Minsk, 2003. – № 28. – 77 с.
3. **Проблемы** информатизации в распределительных системах управления и проектирования. – Воронеж: ВГТУ, 1994. – 166 с.
4. **Ершов А. П.** Избранные труды. – Новосибирск: Наука, 1994. – 416 с.
5. **Философия** социального действия и перспективы демократии: Междунар. науч.-практ. конф. – Мн., 1994.
6. **Проблемы** создания инфотехнологий. – Мн.: ИТК АНБ, 1995.
7. **Информационная** технология и информационная политика. – М.: НИИ, 1993. – 432 с.
8. **Указ** Президента Республики Беларусь от 12.08.02, № 450.
9. **Правовая** информатизация-2002 / Дисплей-пресс. – 2002. – № 47.
10. **Электронная** Беларусь // Веды. – 2003. – № 1.
11. **Социальное** пространство. – М.; Н. Новгород: Биосоцио, 1994. – 143 с.
12. **Информационная** политика на пути к информатизации // Наука. Технология. Культура. – М.: ИНИОН РАН, 1999.
13. **Суша Н. В., Чернышев В. О.** Новые информа-ционные технологии в системе высшего образования. – Мн., 1995. – 60 с.

УДК 398.3

МАГИЧЕСКИЕ ГРАФИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Канд. филол. наук МЯЧИКОВА И. И.

Белорусский национальный технический университет

Развитие систем графических символов начинается с появления и распространения в повседневной жизни первобытных обществ магии. Данный процесс исторически связан с пе-

реходом от скотоводческого типа хозяйствования к земледельческому. Графические знаки, относимые к символам, массово появляются на горшках-сосудах, в которых хранилось зер-

но в VII тыс. до н. э. Еще в первобытном искусстве встречались геометрические изображения, определяемые как графические символы, однако количественно они уступали сюжетным и не формировали стилистически однородной системы знаков. Роспись же на керамических сосудах отвечала этим требованиям и удовлетворяла важнейшую общественную потребность, обусловленную переходом первобытных народов к земледелию. Такой переход изменил верования людей и вынудил их изыскивать способы, как повлиять, например, на урожайность [1, с. 96–97]. Столкнувшись с неизъяснимым явлением (а урожайность и была таковым), люди обратились к магии, а от нее не далеко и до магических знаков – символов. У первобытных народов был очевидный и наглядный пример в области воспроизводства, в частности деторождение, и соответственно магические символы аграрной направленности были ориентированы и на женскую плодovitость, что подтверждается широким распространением женских антропоморфных статуэток с нанесенными на них символами, преимущественно в области живота [2, с. 11].

Очевидно, что умственные способности людей в период распространения магических ритуалов уже не были одинаковыми: у кого-то лучше получалось рисование, у кого-то – обработка туш, у кого-то – производство орудий труда и т. д. Следовательно, магия должна была быть связана с определенной группой людей (магов), ее выполнявших. И магические знаки очень быстро становились элементами культуры, культивируемыми только магами.

Обычно считается, что первыми магами-жрецами (V тыс. до н. э.) были женщины – так как была эпоха матриархата. Женщина была главным действующим лицом магических ритуалов, и это считается единственным обоснованием существования матриархата [2, с. 11]. Но, во-первых, была ли только она магом или им мог быть и мужчина – не доказано, во-вторых, участие в ритуале совсем не гарантирует знания его эзотерики и не свидетельствует о собственной значимости в иерархии общества [3], а в-третьих, и ныне существуют ритуалы, в которые мужчины не допускаются, тем не

менее матриархата сегодня нет. В любом случае, можно утверждать, что жрецы первобытных земледельческих культур за пять тысячелетий до н. э. владели системой магических символов и, конечно, знали их сакральные значения.

Наиболее развитая жреческая система существовала в Древнем Египте, где уже в 3000 г. до н. э. именно жрецами были разработаны иероглифическая и иератическая разновидности письменности, основанные на древних магических символах [4, с. 66]. Важное значение для раскрытия сущности и объемов жреческих знаний имеет замечание Фабра д'Оливье о том, что жрецы Древнего Египта владели тремя способами речи [5, с. 27]. Для общения с учеными, т. е. образованными, изысканными, преимущественно привилегированными людьми они использовали литературную речь, с простым (низкорожденным) человеком – метафорическую речь и в своем кругу – символную. То есть передача знаний от поколения к поколению осуществлялась по трем каналам: через сферу образованных, наделенных властью людей – посредством распространения научной литературы, наполненной описанием определенных символических элементов, через простых людей – с помощью пышной обрядности с массой аллегорических фигур и ритуальных символов (получившей название мистерий), и в среде жрецов – с помощью эзотерических символов, наполненных глубокой сакральностью, значение которой настоящий жрец должен был знать в совершенстве и имел право делиться ею только с ограниченным кругом таких же жрецов.

К сожалению, в настоящее время знания жрецов первобытных цивилизаций и культур, например Древнего Египта, Вавилона, Индии, кельтов-друидов и даже славян-волхвов об эзотерике древнейших магических знаков преимущественно утеряны. В средние века предпринимались попытки установить отдельные моменты данного знания, но вряд ли их можно признать успешными. До нас дошли только описания древнейших мистерий Египта, Античной Греции, Иудеи. Их символная эзотерика также не совсем понятна, так как жрецы передавали ее посредством метафор. Участники

обрядов не владели всеми сакральными смыслами, заложенными в данном обряде. Тем не менее, отдельные значения обрядовых символов им были известны, что и способствовало эволюции экзотерических символов или точнее – экзотерического наполнения семантики графических символов.

С разложением жреческого сословия и утратой им идеологических и властных полномочий в обществе разрушается механизм передачи всей совокупности сакральных знаний от магистров к неопитам, в результате чего эти знания теряются (забываются). Например, в раннем средневековье этот процесс сопровождался превращением жрецов, с одной стороны, в астрологов, магов, предсказателей, врачей, а с другой – в христианских или мусульманских священников. Для индоевропейских культур данный период в лице греков-дорийцев начался даже ранее – в эпоху античности (с V в. до н. э.).

Специфика символоведения того времени заключается в том, что оно не вычленилось из сферы наук о природе, человеке и обществе. Символы видятся и осознаются как предмет изучения философии, которая охватывает практически весь спектр научных интересов. Этот период легко отождествить с появлением и выделением ученых как определенного, профессионального контингента в рамках общества, а проще говоря, с появлением первых философов Древней Греции, занимавшихся сугубо научными изысканиями. Границей же окончания данного философского периода в символоведении можно обозначить рубеж техногенного переворота, когда оккультные науки, а в том числе и философия, стали противопоставляться чисто естественным наукам. Современный уровень развития представлений о природе символов базируется преимущественно не на философских, оккультных разработках, а на положениях и принципах наук, связанных с обработкой информации, – кибернетических, лингвистических, этнологических, искусствоведческих и в настоящей статье исследоваться не будет.

Рассматриваемый период (соответствующий Средневековью) характеризуется симбиозом в рамках философской мысли оккультных и на-

учных представлений. Тем не менее, литературное наследие данного периода по вопросам изучения природы символов и трактовки их значений удобнее всего разбить на три группы работ – религиозного, оккультного и натурфилософского типов. Первый оставили после себя деятели церкви, второй – оккультисты, являвшиеся, как правило, известными магами, врачами и алхимиками, и, наконец, третий – в основном профессиональные ученые-метафизики. Особенность рационального осмысления действительности в то время была такова, что строгое разделение публикаций по данным типам не всегда возможно, а иногда и не корректно, так как один и тот же ученый мог написать труды, которые легко отнести к разным типам. Например, работы английских философов Роджера и Фрэнсиса Бэконов можно рассматривать и как научные, и как оккультные, труды Альберта Магнуса (Великого), Хильдегарды Бингенской и Раймонда Луллия – и как религиозные, и как оккультные, Фомы Аквинского – как религиозные и научные.

Работы религиозной направленности. Церковных догматиков средневековой Европы интересовал вопрос научного объяснения христианских положений. Начиная с рубежа 1000 г. н. э., когда христианская церковь заняла господствующее положение в Европе, ее отцы сменили принцип отторжения научных изысканий на принцип их использования во благо церкви. Это было сделано в первую очередь для того, чтобы убедить строптивых мирских правителей в собственной важности. Заметную роль сыграла светская популярность изданного в VII в. в Сирии научного сборника «Книга о природных явлениях». В качестве важнейших работ, написанных церковными деятелями, можно назвать сочинения Хильдегарды Бингенской «Scivias», Альберта Магнуса «Opera Omnia», Алана Лилльского «О плаче природы», Беттини «Книга священной Божьей горы», (1477) и Раймонда Луллия «Liber de Ascensu» («О восхождении»). В них утверждалось, что мир является сферой противодействия добра и зла, находящихся на Земле в равновесии. Познать же Бога, слиться с ним, овладеть наивысшей праведностью и блаженством можно

только постигнув сущность и природу семи важнейших объектов-элементов – минералов, огня, растений, животных, человека, звездного неба и ангелов. Познать их – значит пройти так называемые семь ступеней пути к Богу. Для обычных мирян есть путь спасения через веру и единение с Христом, а для этого необходимо овладеть тремя сущностями – Милосердием, Надеждой и Верой.

Другое важнейшее направление исследований религиозных авторов связано с разоблачением дьявола. При этом зачастую рассматривается значение многих символов, прежде всего христианской, а также как бы в сравнении – и народной культуры. Можно назвать работы Филиппа Тауна «Бестиарий» (1121), Фурнаваля «Бестиарий любви», Раймунда Луллия «Книга бестий» (где отмечается, что постигнуть сакральную сущность чего-то можно только овладев возможностью изображать знак этой сущности, т. е. символ), Иоганна Виера «Жизнь ламий» (1577). И конечно нельзя не отметитьopus, ставший революционным и фактически перевернувший европейскую цивилизацию, – Г. Инститориса, Я. Шпренгера «*Malleus maleficarum*» («Молот ведьм»).

Значительное число работ посвящено описанию знаков, оставляемых дьяволом на предметах утвари, бумаге, земле, например сборники «Истинный красный дракон» (1521, 1522), Иероним Менго «Бич демонов» (1582), Анри Боге «О ведьмовстве» (1603). В них легко прослеживается связь якобы «дьявольских знаков» с так называемым тератологическим орнаментом (сильная переплетенность линий), очень популярным среди простого люда. Таким образом, церковь подчеркивала, что народное искусство, орнамент, берущие свое начало, из языческого периода, носят дьявольский характер и потому должны быть искоренены.

Еще одним направлением публикаций, поощряемых церковью и относимых к светской культуре, стало исследование аллегорического смысла различных предметов и обыденных ситуаций. Первыми в этом направлении были книги Франческо Колонна «*Hyphrotomachia Poliphili*» (1499) и Андреа Алчьяти «*Emblemata*» (1531). После выхода последней из упо-

мянутых книг в Европе начался настоящий бум работ по эмблематике. Среди самых популярных – «*Hieroglyphica*» Джанпьетро Валериано (1556), «Избранные эмблемы» Дж. Уитни (1586), «Книга эмблем» Джоахима Камерарио (1590), «Собрание эмблем, древних и современных» Джорджа Уитера (1635). Наибольшую же популярность получили труды Михаэля Майера «*Symbola Aerial Mensae*» (1617) и Й. Босхиуса «Символография» (1702).

Развитием такого рода исследований стал имевший в свое время высокое научное значение трактат Курта де Жебелена «Об аллегорическом и символическом духе древности», изданный в Париже в 1777 г. и посвященный анализу символики букв и слов.

Алхимические труды. Работами, создавшими фундамент алхимии, являются, пожалуй, труды неоплатоников Плотина (204...262 гг. н. э.) и Порфирия (232...304 гг. н. э.). Ими описаны основы так называемой теургии – искусства получения магических результатов путем специфической комбинации древних графических символов (оформление сложных символьных композиций в конкретных пространственных и временных координатах). Информацию теургического типа содержит, например, книга Петруса де Абано «Гептамерон магических элементов», в которой приведены символьные формулы для вызова духов, людей, даже жителей других планет.

Второе основание для развития алхимической символики связано с переизданием в эпоху Средневековья работ о герметической (древнеегипетской) философии: Плутарха «Об Исиде и Осирисе», где рассмотрены магия и символика Древнего Египта, а также Фестюгьера «Откровения Гермеса Трисмегиста», Гор-аполлона «Иероглифика», Геродота «*Historiarum Liber*» (1510) и книги не установленного автора под именем Гермеса Трисмегиста «*Poimandres*». К этому же направлению относятся и позднейшие работы Атанасиуса Кирхера «*Oedipus Aegyptiacus*» (1652), а также коллективные сборники «*Musaeum Hermeticum*», издававшиеся в XVII–XVIII вв. во Франкфурте. В этих трудах, помимо древнеегипетских, рассматриваются и многие современные для

того времени алхимические и эмблематические фигуры.

Одним из важнейших направлений алхимической литературы, давшим толчок развитию алхимии и распространению алхимической символики, стали труды по Каббале (древнему эзотерическому учению евреев о сущности человеческой природы и окружающего людей мира). Пожалуй, первым попытался раскрыть для европейцев смысл каббалистических положений Пико делла Мирандола в работе «*Conclusiones Philosophicae Cabalisticae et Theologicae*» (1486), где изложил 900 тезисов о Каббале. Его исследования развил Иоганн Рейхлин (1455...1522), выпустивший в 1517 г. книгу «О каббалистическом искусстве». Вскоре последовал коллективный сборник «Трактат по Каббале». Однако во всех названных работах практически не рассматривалось значение каббалистических знаков-символов. Прорыв сделала самая известная (культовая) работа Средневековья 3-томная «Оккультная философия» Агриппы Неттенгеймского (1486...1535), вышедшая в 1533 г. в Антверпене. Автор очень подробно рассматривает магические символы древних философских направлений, отмечает их методологическую ценность в постижении эзотерической сущности Природы и наблюдаемых в ней закономерностей. Основное внимание направлено именно на каббалистические знаки – прославляются пентаграмма (пятиконечная звезда) и гексаграмма (шестиконечная звезда), подробно рассмотрены нумерология и некоторые сефиротические конструкции.

Более поздние работы по Каббале – труды Якова Бёме «Разоблаченная теософия» и Стефана Михельспахера «Каббала, зеркало искусства и природы», (1654).

Важнейшими алхимическими трактатами, развивающими фундаментальные положения алхимии и затрагивающими значение алхимических символов, являются труды: Тритемия (Иоганна Гейденберга) «*Steganographia*» (1621), Джона Ди «*Monas Hieroglyphica*» (1564), Парацельса «*Astronomica et Astrologica Opuscula*» (1567), Якова Бёме «*Signatura rerum*», Роберта Фладда «*Utriusque Cosmi Historia*» (1617), Базил

ля Валентина «Азот» (1659), Гуса ван Вреесвика «*De Groene Lecuw*» (1672).

Валентин Андреа в «Вавилонской башне» (1619) впервые рассмотрел так называемые розенкрейцеровские символы, которые в совокупности со многими алхимическими графическими символами сформировали масонскую символику.

Среди оккультистов, исследовавших алхимические символы, можно назвать выдающихся специалистов XIX в. в области магической символики – Элифаса Леви «Трансцендентальная магия», Елену Блаватскую «Разоблаченная Изида» и Папюса (Жерара Анкоса) «Заметки по оккультизму».

Натурфилософские работы. Основатель философского исследования сущности символов Платон в труде «Тимей» рассмотрел основные проблемы, связанные с определением Мирового порядка, сущности природных и общественных явлений, а также установлением господствующих в мире форм и закономерностей. Мир, по Платону, устроен рационально, т. е. его можно описать по строгим математическим и геометрическим правилам, которые и есть присутствующий всюду дух (это положение фактически есть ни что иное как учение Пифагора). Все сущее состоит из трех субстант, каждая из которых подчинена определенной идее (своей системе правил) – божественной, земной и духовной. Человеческая душа, таким образом, содержит правила устройства (сущности) человека и является «гостьей на Земле». Наибольшее влияние на жизненные процессы, происходящие на Земле, оказывают звезды. При этом в мире все подчинено пяти стихиям – четырем элементам (огню, воде, земле, воздуху) и содержащему все их в гармоничном единстве эфиру.

Некоторые вопросы были рассмотрены Аристотелем в «Аналитике 2-й», в частности механизм интерпретации сущности всякого явления или феномена (актуально и для культурных объектов, в том числе и символов). По Аристотелю, вскрыть закладываемую создателем символа сущность можно путем следования следующему алгоритму – установление причины: 1) формальной (внешние условия);

2) материальной (внутренние условия); 3) действительной (сама первичная оценка наблюдателя) и 4) реальной (побуждения создателя).

Роджер Бэкон («Opus Maius» (1268)) – сущность любого явления (в том числе и символизируемая символом) обусловлена совокупностью факторов. Их можно выявить только на опыте, прежде всего, алхимическом. Поэтому наиболее точны и должны активно использоваться символы, отражающие алхимические закономерности.

Фрэнсис Бэкон («Новый органон» (1620)) – предложена схема, по которой исследователь должен раскрывать эзотерическую сущность чего-либо неустановленного. Схема пирамидальная – от основания к вершине, выводы – более ограниченные по степени обобществления. В основании – множество наблюдаемых фактов, из их анализа путем отбрасывания случайных отношений строится следующая ступень пирамиды – инвариантные отношения. Далее из последних отношений удаляются случайные корреляции и устанавливаются общие. Процедурой их исключения выявляются формы сущности, из которых, отбрасывая простейшие сущности, получим вершину пирамиды – сущность символизируемого. При переходе от ступени к ступени необходимо преодолеть четыре типа заблуждений – идола племени (влияние биологических потребностей организма), идола пещеры (общественные догматы), идола ярмарки (очевидная, наглядная трактовка) и идола театра (теоретизирования ради теоретизирования).

Можно назвать также работы Генриха Кунрата «Амфитеатр вечной мудрости», где отмечается, что мудрец только тот, кто постиг семь

ступеней знания (по аналогии с семью ступенями достижения Бога в христианском учении), а также Рене Декарта «Свет», в которой говорится о природе человека и возможном восприятии им символов. По Декарту, человека нужно рассматривать как симбиоз двух составляющих – мышления, в котором главным аналитическим принципом является оценка всего по аналогии, и биологического тела, подчиненного чисто механическим законам развития и движения.

Важное значение для развития знаний о символах и их сущности в рассматриваемый период господства философии как мировоззрения имели следующие идеи: Оккамы – о приоритетности наглядных и простейших логических интерпретаций для трактовки теоретических закономерностей; Галилея – о разграничении приемлемых и неприемлемых интерпретаций, критерием которого должен быть равновесный симбиоз рациональных и чувственных представлений; Ньютона – об объективном существовании в Природе различных закономерностей, ограничить которые какой-то формулой (а также и символом) человек может лишь с определенной точностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матюшин Г. Н. Археологический словарь. – М.: Просвещение, АО «Учеб. лит.», 1996. – 304 с.
2. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990. – 287 с.
3. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 278 с.
4. Драчук В. Дорогами тысячелетий. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 255 с.
5. D'Olive F. La langue hebraique restituee. – Paris, 1815.